

Дед Фёдор Каравайкин

(зарисовка из деревни Домино – ныне часть с.Губачёво, Костромского района)

Широкий, плотный, с рыжеватой окладистой бородой, всегда опрятно одетый, дед Фёдор Каравайкин расставлял жилистые руки и громогласно, басом объявлял: — Дилехтур пришёл! Заходи — гостем будешь.

И как было не зайти к нему! Летом на огороде возле входа в горницу развешены у него были змеи. В горнице стоял постоянно запах мяты и валерьяны, зверобоя и полыни. С осени до поздней зимы в холодном углу у окна в огромном чане со свежей речной водой плавали рядом зеленоватые щуки и налимы, пёстрые окуни и красноперые голавли, красноглазая плотва и сонливые серо-сизые ерши. Поневоле простоишь возле чана час-другой.

А дед уж приглашал рокочущим басом: — Проходи к столу, откушай, чем Бог послал...

А на столе румянились колобки, которые искусно пекла сноха его, Ирина Ивановна, желтели ватрушки, испускало неповторимый запах от томления топлёное молоко, парила уха в деревянной миске, укропом исходили огурцы и белела пластушина капусты. Только Ирина Ивановна умела запечь картофельник так, что за уши не оттащишь.

Дед садился рядом за стол, просил сношеньку поднести ему стаканчик, и начиналось пиршество. Речь деда становилась оживлённее, ярче, певуче звучал его бас.

Красная Шапочка ждал с нетерпением, когда же дед перейдёт к коронному номеру. И вот, откашлявшись трубно, дед заводил полупесенную речитатив-сказку:

— Жил-был старец, у него был дворец, в дворце шесть овец, седьмой жеребец...

Казалось, голосу мало места в горнице, так он был густ и

могуч. Глаза деда светились иссиня-серым блеском, лицо расплывалось в улыбке, щёки розовели, брови то поднимались, то опускались по ходу песнопения, пальцы рук плавно помогали ходу повествования, дед, и так широкий и плотный, словно заполнял собой всю горницу, остальным было уже тесно...

Но вот кончалась сказка, и дед с плешивой головой занимал места ровно столько, сколько ему было положено за столом. Наступала очередь его сына, Андрея. Тот брал в руки двухрядную гармошку с колокольчиком, выходил на середину горницы с платочком в руке и играл, не пел, а играл песню «Поздно вечер из лесочка». Рыжий, красноносый, с гладко выбритыми щеками, он по ходу песни становился то барышней-крестьянкой, то барином – его, Андрея, не существовало, а гармошка помогала воплотить в плоть и кровь то, что играл этот незаурядный мастер. Кончалась песня, и жаль становилось, что она такая короткая.